

УДК 009.2.726

ПЕРВЫЕ ШКОЛЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Козлов М. Н.

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, Российская Федерация

E-mail: kmn_75@mail.ru

Предметом данного историко-культурологического исследования стали первые древнерусские образовательные центры, функционирующие во второй половине X в. при христианских церквях и языческих святилищах. В статье были показаны поэтапная эволюция представлений отечественных ученых о времени распространения письменности и образования на восточнославянских землях, а также различные точки зрения современных ученых относительно значимости археологических памятников дохристианской эпохи, содержащих знаки жреческого письма или надписи на кириллице. Опираясь на памятники древнерусской письменности, материалы последних археологических исследований, сообщения арабских авторов и фольклорные источники, автор показал исторические предпосылки возникновения системы образования в жреческой среде и древнерусских христианских общинах, поэтапно проанализировал особенности традиционной системы образования в языческих святилищах и христианских школах во второй половине X в. По мнению автора, научная гипотеза о том, что первые школы в восточнославянских землях возникли после 988 года, в настоящее время утратила научную актуальность. Уже во второй половине X в. в Древней Руси существовали центры образования при христианских общинах и языческих святилищах. Существование в восточнославянских землях в указанный период письменности и нескольких систем образования предопределили культурный бум в крупных городских центрах Древней Руси XI–XIII вв.

Ключевые слова: письменность, образование, преподавание, христианские церкви, христианские общины, языческие святилища.

Процесс становления и развития образовательной системы Древней Руси – одна из самых сложных и малоизученных проблем в отечественной гуманитарной науке. Между тем, древнерусская система образования самым существенным образом оказывала влияние на социально-экономические, политические и культурно-религиозные процессы, происходящие в древнерусском обществе. Появление грамотных людей в древнерусском государстве способствовало активизации международной торговли и развитию ремесленного производства в Древней Руси. Быстрое становление и распространение христианской системы образования в купеческой и воинской среде в конце I тыс. способствовало постепенному сокращению влияния древнерусского жречества и, в конечном итоге, привело к христианизации восточнославянских земель.

Автор «Повести временных лет» вполне определенно указывает на князя Владимира Святославича, как основоположника системы образования в Древней Руси: «Пославъ, нача поимати у нарочитые чади дети, и даяти нача на учење

книжное» [1, С. 53]. В связи с этим, в отечественной гуманитарной науке с XIX в. – вплоть до последней четверти XX в. – господствовала точка зрения, согласно которой, система образования возникла в Древней Руси после 988 года [2, С. 5; 3, С. 169; 4, С. 261].

Особенно жесткую позицию в этом отношении занял П. Н. Милюков, по мнению которого в Древней Руси вообще не существовало системы образования, а все население было поголовно неграмотным [5, С. 207–210].

Однако по мере накопления археологического материала постепенно происходила ревизия представления отечественных исследователей о времени появления письменности в Древней Руси, широкое функционирование которой было бы невозможно без существования в древнерусской державе центров образования.

Во второй половине XX в. – начале XXI в. в восточнославянских землях было обнаружено значительное количество артефактов дохристианской эпохи с надписями, сделанными на кириллице или с помощью знаков дохристианской письменности. В связи с этим, мнение отечественных исследователей разделилось. Некоторые из них, опираясь на новые археологические материалы, выступили в своих трудах с утверждением о том, что письменность в Древней Руси получила распространение задолго до принятия христианства [6, С. 156; 7; 8].

Вместе с тем, целый ряд отечественных исследователей продолжает придерживаться гипотезы о том, что письменность в восточнославянских землях стала распространяться лишь в XI в. Появление содержащих надписи артефактов более раннего периода на восточнославянских землях они обычно объясняют их иностранным происхождением, а упоминания восточнославянской дохристианской письменности в письменных источниках описками, неточным переводом и т. д. [9, С. 145; 10, С. 10–31; 11, С. 87; 12, С. 27].

Серьезный удар данной теории был нанесен в 2000 году после обнаружения А. А. Зализняком и В. Л. Яниным древнейшего русского учебного пособия – Новгородской псалтыри, используемой во второй половине X – начале XI вв. Открытие русской книги-учебника, используемой во второй половине X в., позволило целому ряду отечественных исследователей предположить наличие у наших предков задолго до религиозной реформы Владимира образовательных центров, предопределивших культурный бум XI–XIII вв. в Новгороде и других древнерусских городах. Так, А. Е. Иванов и Е. В. Иванов высказались в этом отношении следующим образом: «Что касается Великого Новгорода, то нет сомнения, что доказанная историками высокая книжная культура и образованность жителей города в начале второго тысячелетия могла возникнуть только на благодатной собственной педагогической почве [13, С. 24]. Схожей точки придерживаются В. А. Гришин и многие другие отечественные исследователи [14, С. 14].

Таким образом, можно констатировать, что в отечественной исторической науке в настоящее время не существует консолидированной точки зрения относительно того, когда же собственно возникли первые образовательные центры в Древней Руси. Определить, сохраняет ли в настоящее время научную значимость

гипотеза о возникновении первых образовательных центров в Древней Руси после 988 года – основная цель данного исследования.

Наиболее информативными источниками изучения поставленной в данном исследовании темы являются письменные документы, содержащие информацию о процессах возникновения и становления древнерусской педагогики: восточнославянские летописи, «Житие Леонтия Ростовского», сообщения арабских авторов Ибн-Фадлана и Ибн эль Недима.

Чрезвычайно важными в свете изучения темы становления системы образования в Древней Руси являются также памятники материальной культуры восточных славян дохристианской эпохи, содержащие надписи на кириллице или знаки дохристианского жреческого письма: берестяные грамоты, глиняные сосуды, кости животных, свинцовые пломбы, пряслица и т.п.

Особый интерес в этом отношении вызывает древнейшая из дошедших до нашего времени восточнославянская книга – Новгородская псалтырь. Артефакт был найден 13 июля 2000г. в Людином конце Софийской стороны древнего Новгорода. Книга состояла из трех деревянных (липовых) дощечек размером 19х15х1 см. Каждая дощечка имеет прямоугольное углубление (15 х 11.5 см), залитое воском; на средней дощечке такие углубления сделаны с двух сторон. Таким образом, кодекс содержит четыре восковых страницы, так называемые церы. Радиоуглеродный анализ воска из данного артефакта показал временной интервал, вычисленный с надежностью 68.2% – 860–1010 гг. [15, С. 202–203].

На внешних сторонах Новгородской псалтыри были обнаружены многочисленные царапины и надрезы, заметны общая потертость дерева, закругленность углов. Кроме того, обнаружены следы ремонта книги. По мнению В. Л. Янина, прежде чем попасть в землю, книга использовалась на протяжении многих десятилетий [16, С. 348–349].

Если предположить, что Новгородская псалтырь попала в землю в начале XI в., то период ее активного использования должен был прийтись на вторую половину X в. Таким образом, она является важнейшим источником изучения древнерусской письменности и системы образования наших предков дохристианской эпохи.

Определенную историческую ценность имеют также памятники русского фольклора, содержащие информацию о древнейших восточнославянских традициях обучения детей и подростков: былины докиевского цикла, народные сказки, предания и т.п.

Значительно расширившаяся в последнее время археологическая база исследования восточнославянских древностей, а также целый ряд письменных свидетельств позволяют предположить, что рождение системы образования в Древней Руси произошло во второй половине X в. При этом возможно, что уже в этот период в древнерусских землях сосуществовали параллельно местная жреческая система подготовки будущих служителей языческого культа и система обучения детей в христианских общинах тогдашней Руси.

Первую систему можно условно назвать жреческой или автохтонной. В конце I тыс. в восточнославянских землях возникли крупные городища-святилища, часто исполняющие функции административного центра большой сельской округи.

Местные жрецы собирали немалую плату за свои услуги и подношения языческим богам. Об этом свидетельствуют хозяйственные ямы для хранения зерна, расположенные внутри языческих святилищ. Так, например, при раскопках Гнилопятского святилища вокруг усадьбы-землянки местных служителей археологи обнаружили остатки специальных сараев для хранения большого количества зерна [17, С. 233–237].

С возникновением крупных городов на торговом пути «из варяг в греки» возникли и крупные сакральные городские центры. Согласно данным археологии, наиболее значимые древнерусские городские святилища часто располагались недалеко от погребальных курганов и составляли с древними могильниками единый сакральный комплекс [18, С. 35–46].

Как свидетельствует арабский путешественник Ибн-Фадлан, описавший небольшой сакральный центр, расположенный в русском квартале города Булгар, плата жрецам за их услуги была значительной. Так, каждый восточнославянский купец, приезжавший торговать в город, должен был принести в жертву овцу. В случае смерти в Булгаре кого-то из наших предков, жрецы, в качестве платы за свои услуги, получали примерно треть имущества умершего [19, С. 95–97].

Некоторые языческие святилища получали постоянную плату от древнерусских князей. Так, в «Уставе князя Святослава Ярославовича» находим следующее: «Князь Святослав сказал: статут, бывший прежде нас в Руси от прадед и от дед наших, имати пискупом десятину от даний, и от вир, и от продаж, что входит в княж двор всего» [20, С. 85]. Дедом князя Святослава Ярославовича был креститель Руси Владимир, а прадедами князя – язычники Игорь и Святослав, которые, согласно данному сообщению, и платили десятину «пискупам», то есть жрецам.

В «Житие митрополита Михаила» по списку XVI в. Киево-Печерской Лавры неизвестный автор, описывая крещение жителей Киева, вдруг неожиданно сообщает: «Владимир дары, что прежде идолам шли, святым церквям давати завещал» [21, С. 274].

Таким образом, можно утверждать, что некоторые языческие святилища находили материальную поддержку со стороны представителей восточнославянской дружинной элиты.

Интересную информацию сообщает нам Киевское письмо – документ середины X в., выданный еврейскому купцу Якову бен Ханукке иудейской общиной Киева для предъявления в других еврейских общинах. Согласно данному источнику некий богатый киевский купец еврейского происхождения Яков бен Ханукка выступил гарантом крупной финансовой сделки, заключенной его братом. Брат купца был убит, а сделка сорвалась. Деньги в кредит, согласно источнику, были взяты у русов-иноверцев. Таким образом, помимо еврейского варианта договора должен был существовать некогда и русский вариант, оставшийся у тех, кто выдал ссуду нуждающемуся купцу. Интересно, что представителем властей Киева выступил человек, называемый в источнике Гостята бар Кий бар Коген. В еврейской традиции Коген – означает принадлежность к жреческому сословию. Таким образом, человек, выступавший от имени организации, выдавшей еврейскому купцу крупную сумму денег, был древнерусским жрецом (Гостята сын Кия, жрец). Он же руководил

арестом купца и конфискацией его имущества. Он же выступил судебным исполнителем [22, С. 174–176].

О том, что на Руси в языческую эпоху существовала практика составления письменных духовных грамот, свидетельствует отрывок из мирного договора киевского князя Олега с византийцами: «Аще кто умреть, не урядивъ своего имьня, ци своих не имать, да възратитъ имьние к малым ближникам в Русь. Аще ли сотворитъ обряжение таковый, возметь уряженое его, кому будетъ писал наследити имьне его, да наследитъ» [1, С. 19].

Дружина князя Олега клялась языческими богами Перуном и Велесом, а значит, в составлении мирного договора принимали участие и жрецы. Таким образом, киевские жрецы в середине X в. осуществляли крупные финансовые сделки, занимались ростовщичеством и составляли духовные грамоты.

В целом можно утверждать, что уже в середине I тыс. древнерусское жречество аккумулировало в своих руках значительные средства и сформировало собственную систему учета и фиксации своих богатств. Сообщение Черноризца Хоробра о том, что древние славяне до Кирилла и Мефодия писали «четами и резами»: «Прѣжде оубо словѣне не имѣхъ книгъ. нъ чрътами и рѣзами чьтѣхъ и гатаахъ погани сѣще. кръстивше же сѣ. римьсками и грѣчьскими писмены. нъждаахъ сѣ словѣнскы рѣчь безъ устроениа» [23, С. 102] вполне правдоподобно. Не имея какой-то элементарной системы счета и письма, древнерусские жрецы не смогли бы эффективно управлять своими уже немалыми хозяйствами.

В настоящее время данные, сообщенные Черноризцем Хоробром, нашли многочисленные подтверждения, как в литературных источниках, так и данных археологии. Так, «четы и резы» хорошо просматриваются в рисунке арабского ученого Ибн эль Недима, который не только сообщил в своем труде «Книга росписи наукам» под 987 годом о существовании у русов-язычников собственной уникальной письменности, но и попытался зарисовать надпись, увиденную им некогда на «куске белого дерева» (скорее всего на бересте) [24, С. 39].

На тот факт, что у наших предков в дохристианскую эпоху существовала примитивная докирилловская письменность, указывают многочисленные подобные надписи на археологических артефактах IX–XII ст.: глиняных сосудах, костях животных, свинцовых пломбах и пряслицах [25, с. 442–466].

Находит подтверждение и утверждение Черноризца Хоробра о том, что древние славяне пытались писать славянские слова с помощью букв других народов. Так, фразы, составленные из славянских слов, написанных греческими, латинскими, арабскими и еврейскими буквами были найдены в различных уголках славянского мира [25, С. 442–466].

На тот факт, что древняя докирилловская письменность использовалась именно славянскими жрецами, указывает тот же Черноризец Хоробр, сообщивший в своем «Слове о письменах» о том, что наши предки до Кирилла Философа не только писали «четами и резами», но и гадали.

В пользу данной гипотезы свидетельствует и отрывок из сообщения Ибн-Фадлана. Так, согласно данному источнику, после захоронения древнерусского князя в городе Булгар у места кремации поставили столп и написали на нем имя

умершего [19, С. 97]. Грамотный человек, написавший имя умершего князя на столбе, не мог быть христианином (присутствие христиан на подобных мероприятиях было кощунством). Скорее всего, надпись на памятном столбе – это одна из «услуг» восточнославянского языческого сакрального центра, находящегося в Булгаре.

Таким образом, можно утверждать, что древнерусские жрецы в дохристианскую эпоху были грамотными людьми. Они хорошо могли считать и составлять сложные юридические документы (торговые, экономические и военные договоры, духовные грамоты).

Обладали они, очевидно, и определенными знаниями в области медицины. Так, при раскопках славянских могильников дохристианской эпохи исследователи фиксировали останки покойников со следами лечения сложных переломов конечностей и ребер и даже черепа со следами трепанации [26, С. 37].

Кроме того, как верно заметил Б. А. Рыбаков, простой сельский волхв должен был знать и помнить все обряды, заговоры, ритуальные песни, уметь вычислить календарные сроки всех магических действий, знать целебные свойства трав. По сумме знаний он должен был приближаться к современному профессору этнографии с той лишь разницей, что этнограф должен долго выискивать полузабытые пережитки, а древний колдун, вероятно, получал многое от своих учителей-предшественников [27, С. 313].

Несомненно, у восточнославянских служителей языческого культа должна была существовать традиция передачи знаний от наставника к ученику. К сожалению, в письменных источниках никакой информации о системе обучения в древнерусских языческих школах нет. Какие-то туманные намеки содержатся лишь в фольклорных источниках: народных сказках, былинах, преданиях. Так, в древнерусских былинах «Волхв Всеславич» и «Вольга» рассказывается о подвигах неких волхвов-волшебников. Герои данных былин не классические былинные богатыри – защитники своей земли, а волхвы-кудесники, одерживающие победы над врагом с помощью волшебства.

По мнению В. Я. Проппа, былины «Волхв Всеславич» и «Вольга» можно отнести к наиболее архаичному докиевскому циклу [28, С. 70].

В начале былины «Волхв Всеславич» сообщается информация об обучении Волхва в некоем волшебном месте, куда его отдала учиться мать:

А и будет Вольх семи годов,
Отдавала ево матушка грамоте учиться
А грамота Вольху в наук пошла;
Посадила ево уже пером писать,
Письмо ему в наук пошло
И пошел Вольга сударь Буславлевич
Обучаться всяких хитростей-мудростей [29, С. 40].

Схожий сюжет находим в другой архаической былине «Вольга». Главный герой былины, как и Волхв Всеславич был отдан матерью в возрасте семи лет «обучаться всяким хитростям-мудростям» [30, С. 90–91].

В восточнославянских сказках довольно распространен сюжет, в котором родители отдают мальчика 7 лет в обучение колдуну. При этом мальчика отводит в волшебный дом отец или мать. В некоторых сказках сообщается о предварительном договоре, заключенном между колдуном и отцом мальчика, согласно которому последний обязывается отправить сына колдуну, когда мальчик достигнет определенного возраста [31, С. 27].

Интересно, что ребенка во всех фольклорных источниках отдают «в учение» родители. Колдун никогда не ворует детей сам. Кроме того, вызывает интерес и «волшебный дом» кудесника, представляющий собой типичное языческое святилище. Так, во всех волшебных сказках он описан однотипно: некая волшебная изба (избушка на курьих ножках) огороженная по периметру тыном из длинных жердей. «На каждой жердочке по маковке», то есть на каждом бревне, окружающем волшебный дом вдет человеческий череп.

Таким образом, можно предположить, что родители сами приводили своих детей в 7 лет в обучение служителям языческого культа. Обучение производилось жрецами при языческих святилищах. Здесь детей учили «науке»: основам счета и письма, а также мудреному жреческому ремеслу: руководить языческими ритуалами, гадать, приносить жертвы языческим богам, определять сроки земледельческих работ, лечить больных, ухаживать за животными, содержащимися при языческих святилищах и т.д.

Обучение, скорее всего, было не индивидуальным, а групповым. Так, в обеих вышеупомянутых былинах сообщается о сотоварищах главных героев – их ровесниках:

Сам он, Вольх, в пятнадцать лет,
И вся ево дружина по пятнадцати лет [9, С. 40].
И рос Вольга Буславлевич
А прожил шестнадцать лет,
Собирает дружину себе добрую,
И тридцать богатырей без единого,
Сам становился тридцатым [30, С. 90–91].

К сожалению, до нашего времени не дошла никакая информация относительно сроков, принципов и методов обучения будущих жрецов.

В целом, же можно прийти к выводу, что во второй половине I тыс. древнерусские жрецы контролировали значительные материальные ресурсы, имели собственную письменность и правила счета, обладали навыками составления юридических документов и определенными знаниями в области медицины. Свои знания и навыки они передавали подрастающему поколению в специальных школах при языческих святилищах. Детей в возрасте 7 лет в языческие школы приводили родители. Здесь в возрастных группах служители языческого культа готовили будущих служителей языческого культа.

Во второй половине X в., одновременно с появлением христианских общин в крупных городах Древней Руси стала распространяться христианская письменность – кириллица.

Христианские купцы, торговавшие в Киеве своими товарами, воины-наемники христианского вероисповедания и приведенные из походов христиане-невольники стали первыми христианами на Руси. Оказавшись на чужбине, иноземцы-христиане объединялись в христианские общины и активно занимались проповедью своей веры среди местных язычников. Христианство быстро начало распространяться среди дружинно-купеческого сословия Древней Руси. Этому способствовал тот факт, что система воспитания детей в христианских общинах включала в себя обучение грамоте: чтению и письму на нескольких языках, а также языкам и основам арифметики. Дети, получившие образование в христианских общинах, в будущем оказывались рьяными сторонниками христианства и главной опорой христианского духовенства.

Усилия первых древнерусских христиан совпали с интересами усилившейся в X в. восточнославянской воинской и торговой знати. Для управления княжескими владениями, боярскими и купеческими усадьбами были необходимы грамотные люди. Крупные древнерусские города, стоящие на пути «из варяг в греки», вели оживленную международную торговлю. Для осуществления торговых операций также были необходимы люди, владеющие основами счета, грамотой и иностранными языками. Согласно данным археологии, в Древней Руси второй половины X в. в крупных городах и боярских усадьбах появилось значительное количество людей, владеющих искусством кириллического письма. Так, исследователи неоднократно фиксировали в археологических слоях X в. древнего Новгорода специальные инструменты для письма – стилосы, изготовленные из кости или бронзы [32, С. 63–88; 8, С. 61]. Эти инструменты первые русские христиане обычно использовали для нанесения текста на восковые таблички.

Подобные предметы, относящиеся ко второй половине X в., были найдены также при раскопках древнерусских городов по реке Неман и летописного Бужска на западе Руси [7, С. 28–34; 33, С. 27].

В настоящее время найдено свидетельство того, что христианские общины крупных древнерусских городов уже во второй половине X в. осуществляли обучение кириллической грамоте русских детей. Так, единственная дошедшая до нашего времени древнерусская книга X в. – Новгородская псалтырь, оказалась славянским переводом греческого евангелия, используемого в раннехристианскую эпоху обычно в качестве образца для обучения детей грамоте. Артефакт оказался одновременно учебником и функциональным аналогом грифельной доски. Автор, показав ученикам написанный текст, затирает его, а затем на «зачищенном» месте писал новый текст [34, С. 119–120].

Филологическая экспертиза установила, что все записи в древнейшей восточнославянской книге вел один и тот же человек, мастер своего дела, русский по происхождению. По мнению А. А. Зализняка, автор древнейшей восточнославянской книги был из числа тех детей, которых князь Владимир отправил учиться грамоте [15, С. 205].

Вместе с тем, элементарные подсчеты указывают на тот факт, что автор Новгородской псалтыри никак не мог получить образование после 988 г. Так, если предположить, что в начале XI в. первая из дошедших до нас древнерусских книг

попала в мусорную кучу, значит, самый поздний период ее функционирования пришелся на конец X в., то есть как раз то время, когда Владимир отправил первых детей учиться. Учебу в Древней Руси XI–XII вв. начинали в возрасте 7 лет. В таком случае, по мнению А. А. Зализняка, автором Новгородской псалтыри был подросток! Между тем, по мнению филологов, все записи в Новгородской псалтыри вел мастер письма. Сейчас можно с уверенностью утверждать, что автор первой дошедшей до нас древнерусской книги писал на восковых табличках своей церы во второй половине X в., и образование свое получил задолго до крещения Киева.

Таким образом, можно предположить, что в древнем Новгороде еще до образования князем Владимиром христианской школы существовал образовательный центр, в котором неизвестный древнерусский писец-мастер обучал грамоте детей.

Обучение в христианских школах X в., скорее всего, было подобным тому, что существовало в школе древнего Ростова, организованной святым Леонтием Ростовским в середине XI в. Так, и школа Леонтия Ростовского, и первые восточнославянские христианские школы функционировали в среде язычников и имели общую цель – обращение как можно большего количества молодых людей в христианскую веру.

Из текста Жития Леонтия Ростовского мы узнаем о том, что святой обучал своих маленьких учеников грамоте (вероятно имеется в виду умение читать, писать и считать), а также русскому, мерьскому и греческому языкам [35, С. 7]. Епископ Леонтий проводил свои занятия первоначально в самом Ростове при соборной церкви Успения Богородицы, а затем недалеко от города на потоке Брутовщина при церкви Михаила-Архангела. Обучение было групповым (в источнике говорится, что ростовский епископ обучал «детей младых»).

Система обучения в древнерусских школах дохристианской эпохи, очевидно, была аналогичной той, что существовала в восточнославянских христианских школах XI–XIII вв. Так, согласно берестяным грамотам, написанных мальчиком Онфимом, дети обычно заучивали буквы кириллического письма и фиксировали их на глиняных табличках, покрытых воском, или бересте. Из этих букв составляли слова и цифры [6, С. 155–158].

Существование определенных правил написания цифр (с помощью сочетания букв) подразумевало изучение в христианских школах простейших арифметических действий.

Стремясь обратить в христианство как можно большее количество людей, первые христианские школы принимали в обучение не только отпрысков восточнославянской дружинной элиты, но и детей из других сословий. Об этом свидетельствуют надписи на восточнославянских памятниках материальной культуры X в., принадлежащих некогда ремесленникам, горожанам или крестьянам и т. д.

Так, неизвестная женщина, горожанка или крестьянка нацарапала в середине X в. на глиняном горшке «горухша», вероятно, помечая горшки, наполненные пряностями, чтобы облегчить себе приготовление пищи [36, С. 47–52]. Мастер-оружейник, закончив очередной меч во второй половине X в., гордо поставил на

нем свое клеймо «Ковал Людоша» [37, С. 109]. О том, что ростовский епископ Леонтий охотно принимал в обучение всех приходящих к нему детей независимо от их социального происхождения, сообщает нам и Житие Леонтия Ростовского.

Воспитанники святого Леонтия жили при церкви и, вероятно, содержались за счет своего учителя. Так, в третьей редакции Жития говорится о том, что после изгнания Леонтия из Ростова он набирал себе новых учеников из числа детей-бродяжек, страдающих от голода [38, С. 25]. Сам же Леонтий должен был получать материальную поддержку от православной церкви и местных князей.

Атмосфера в первых древнерусских христианских школах, очевидно, была доброжелательной и вполне соответствовала рисунку, нацарапанному на одной из берестяных грамот (№26) маленьким новгородцем Онфимом, проходившим обучение в древнерусской школе XIII в. Так, на рисунке мальчика были изображены семь человечков: один с краю – побольше (учитель), а остальные шестеро – поменьше (ученики). Все изображённые на рисунке держатся за руки и выглядят веселыми [6, С. 156].

Вместе с тем, первые ученики христианских школ и их учителя постоянно подвергались опасности физической расправы со стороны соотечественников-язычников. Так, согласно «Посланию епископа Симона Владимирского и Суздальского к Поликарпу, черноризцу Печерскому» святого Леонтия Ростовского во время очередного антихристианского выступления жители Ростова сильно избили и изгнали из города: «много мучивше бивше» [39, С. 102]. В третьей редакции жития говорится о том, что ростовский епископ, изгнанный из города, набирал себе новых учеников [38, С. 25].

Судьбу первых учеников Леонтия Ростовского неожиданно прояснили археологические раскопки Успенского собора города Ростова. Так, в 2015 г., здесь в раскопе у Воскресенских ворот были найдены детские захоронения второй половины XI в., совершенные по христианскому обряду. Останки имеют явные признаки насильственной смерти. Примечательно, что данные детские захоронения не положили начала кладбищу, и оказались перекрыты в будущем языческими захоронениями [40, С. 47].

О том, что преподаватели первых христианских школ в крупных древнерусских городах дохристианской эпохи вели жесткую бескомпромиссную борьбу с язычниками, свидетельствует текст уникальной клятвы, нацарапанной на одной из табличек Новгородской псалтыри: «Да будем работниками ему (Иисусу Христу), а не идольскому служению. От идольского обмана отвращаюсь. Да не изберем пути погибели. Всех людей избавителя Иисуса Христа, над всеми людьми приившего суд, идольский обман разбившего и на земле святое свое имя украсившего, достойны да будем» [15, С. 208].

Таким образом, научная гипотеза о том, что первые школы в восточнославянских землях возникли после 988 г., утратила научную актуальность. Уже во второй половине X в. в Древней Руси существовали центры образования при языческих святилищах и христианских церквях. Существование в восточнославянских землях в указанный период письменности и нескольких систем

образования преопределили культурный бум в крупных городских центрах Древней Руси XI-XIII вв.

Список литературы

1. Повесть временных лет / под ред. и с пред. В. П. Адриановой-Перетц. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – 239 с.
2. Лавровский Н. Рассуждение, представленное в Историко-филологический факультет Императорского Харьковского университета для получения степени доктора славяно-русской филологии. / Н. Лавровский. – Харьков: Изд-во типографии Харьковского университета, 1854. – 180 с.
3. Иловайский Д. История России. В 5 томах. – Том 1. Становление Руси. – М.: Типография Кушнарера, 1905. – 860 с.
4. Тихомиров М. Н. Древняя Русь / М. Н. Тихомиров. – М.: Наука, 1975. – 427 с.
5. Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. В 3-х томах. – Т. 2. – СПб: Типография И. Н. Скороходова, 1897. – 365 с.
6. Иванов Е. В. О педагогическом содержании новгородских берестяных грамот // Вестник новгородского государственного университета. – 2015. – № 84. – С. 155–158.
7. Гуревич Ф. Д. Грамотность горожан древнерусского Понеманья // Краткие сообщения Института археологии. – М.: Наука, 1973. – Вып. – 135. – С. 28–34.
8. Овчинникова Б. Б. Писала-стилосы древнего Новгорода X-XV вв. (свод археологического источника) // Новгородская Русь: историческое пространство и культурное наследие. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2000. – С. 45-105
9. Кузьмин А. К. Крещение Руси / А. К. Кузьмин. – М.: Алгоритм, 2004. – 416 с.
10. Гишпиус А. А. Кирилло-мефодиевская традиция на Руси и берестяные грамоты // Славянский альманах. – 2010. – С.10-31.
11. Колпачева О. Ю. Школа и образование Древней Руси // Историко-педагогический журнал. – 2004. – № 4. – С. 85-94.
12. Долгов В. В. «Учение книжное»: уровни и формы образования в Древней Руси XI – XIII вв. // Восточноевропейский научный вестник. – 2016. – № 4. – С. 26–32.
13. Иванов А. Е. Педагогические идеи в новгородском письменном и фольклорном наследии X–XVI веков / А. И. Иванов, Е. В. Иванов. – Великий Новгород: Изд-во Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого, 2012. – 168 с.
14. Вопросы истории образования / В. А. Гришин, Л. А. Зятева, И. Л. Петрова [и др.]. – Брянск: Издательство БГПУ, 1999. – 135 с.
15. Зализняк А. А. Янин В. Л. Новгородская псалтырь начала XI века – древнейшая книга Руси // Вестник российской академии наук. – 2001. – Том 71. – № 3. – С. 202-209.
16. Янин В. Л. Очерки истории средневекового Новгорода / В. Л. Янин. – М.: Языки славянских культур, 2008. – 400 с.
17. Русанова И. П. Языческое святилище на р. Гнилопять под Житомиром // Культура древней Руси. – М.: Наука, 1966. – С. 233–237.
18. Михайлов К. А. Языческий некрополь и церковь Богородицы Десятинная // Российская археология. – 2004. – № 1. – С. 35–46.
19. Ибн-Фадлан. Записки путешественника // Сказания мусульманских писателей о славянах и русских с половины VII до конца X в. / собрание, перевод и объяснения Гаркави А. Я. – СПб.: Университетская типография, 1870. – С. 82–116.
20. Макарий (архиепископ Харьковский). История русской церкви / Макарий (архиепископ Харьковский). – СПб.: Типография Бокрама, 1868. – Т. 2. – 324 с.
21. Житие Михаила первого митрополита Киевского // Жития святых в XII книгах. – Киев: Изд-во Киево-Печерской Лавры, 1855. – Книга 11. – С.270–278.
22. Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. – Том III. Восточные источники. – М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2009. – 264 с.

23. Сказания о начале славянской письменности / под общей редакцией З. В. Удальцовой. – М.: Наука, 1981. – 197 с.
24. Классен Е. Новые материалы для древнейшей истории славян вообще и славяно-руссов до юриковского времени в особенности с легким очерком истории руссов до Рождества Христова Е. Классен. – Выпуски 1–3. – М.: Книга по требованию, 1854. – 548 с.
25. Истрин В. А. Дохристианская письменность славян // Возникновение и развитие письма. – М.: Наука, 1965. – С. 442–466.
26. Беляшевский Н. Ф. Случайные находки на Княжей горе в 1893 г. Н. Ф. Беляшевский. – Киев: Типография Г. Т. Корчак-Новицкого, 1894. – 314 с.
27. Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси / Б. А. Рыбаков. – М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1987. – 783 с.
28. Пропп В. Я. Русский героический эпос / В. Я. Пропп. – Ленинград: Изд-во Ленинградского ун-та, 1955. – 552 с.
29. Древние российские стихотворения, собранные Киршей Даниловым. – М.: Наука, 1977. – 735 с.
30. Былины / под редакцией В. И. Калугина. – М.: Наука, 1989. – 560 с.
31. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп. – Ленинград: Изд-во Ленинградского ун-та, 1986. – 365 с.
32. Медведев А. Ф. Древнерусские писала X–XV вв. // Советская археология. – 1960. – № 2. – С. 63–88.
33. Довгань П. М. Особливості північно-східної площадки городища літописного Бужська // Вісник інституту археології. – 2009. – Вип. 4. – С. 22–45.
34. Конаяская Е. Л., Конаяская С. В. Новгородские открытия 2000 года. Редакционный отчет о поездке в Новгород 4–6 августа 2000 г. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2000. – №1 (1). – С. 119–124.
35. Титов А. А. Житие св. Леонтия епископа Ростовского. Со списка, сделанного О. М. Бодянским из рукописи XV века, принадлежащей Кириллову Новоозерскому монастырю. – Ярославль: Типография Я. Строева, 1892. – 121 с.
36. Львов А. С. Еще раз о древнейшей русской надписи из Гнездова // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. – 1971. – Т. 30. – Вып. 1. – С. 47–52.
37. Дубов И. В. Новые источники по истории Древней Руси. – Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1990. – 176 с.
38. Воронин Н. Н. «Житие Леонтия Ростовского» и византийско-русские отношения второй половины XII в. // Византийский временник. – Т. XXIII. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1964. – С. 23–44.
39. Киево-Печерський патерик / під ред. Д. І. Абрамовича. – Київ: Час, 1991. – 230 с.
40. Леонтьев А. Е., Археологические данные к истории Ростовской епархии // Города и веси средневековой Руси: археология, история, культура. – Москва-Вологда: Древности Севера, 2015. – С. 45–52.

Kozlov M. N. The first schools of ancient Russia // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2019. – Vol. 5 (71). – № 3. – P. 99–112.

The subject of this historical and cultural research was the first ancient Russian educational centers operating in the second half of the tenth century under Christian churches and pagan shrines. The article showed a phased evolution of the ideas of domestic scientists about the time of writing and education in the East Slavic lands, as well as various points of view of modern scholars regarding the significance of archaeological monuments of the pre-Christian era, containing signs of priestly writing or inscriptions in Cyrillic. Relying on the monuments of ancient Russian literature, materials of recent archaeological research, reports by Arab authors and folklore sources, the author showed the historical background of the educational system in the priestly environment and the ancient Russian Christian communities, gradually analyzed the features of the traditional education system in pagan shrines and Christian schools in the second half of X century. According to the author, the scientific hypothesis that the first schools in the Eastern Slavic lands arose after the year 988 has now lost its scientific relevance. Already in the second half of X century in ancient Russia there were centers of education in Christian communities and pagan shrines. The existence of written language and several educational systems in the Eastern Slavic lands during this period predetermined a cultural boom in the large urban centers of Ancient Russia of the XI–XIII centuries.

Keywords: writing, education, teaching, Christian churches, Christian communities, pagan shrines.

References

1. Povest' vremennyh let [Tale of Bygone Years]. Moscow-Leningrad, Academy of science USSR Publ, 1950, 239 p.
2. Lavrovskij N. Rassuzhdenie, predstavlennoe v istoriko-filologicheskij fakul'tet Imperatorskogo Har'kovskogo universiteta dlya polucheniya stepeni doktora slavyano-russkoj filologii [The Reasoning Presented in the Historical-philological Faculty of the Imperial Kharkov University for the Degree of Doctor of Slavic-Russian Philology]. Har'kov, Izd-vo tipografii Har'kovskogo universiteta, 1854, 180 p.
3. Ilovajskij D. Istoriya Rossii. V 5 tomah. T. 1. Stanovlenie Rusi [Russian History. In 5 volumes. vol. 1. The Formation of Russia]. Moscow, Tipografiya Kushnareva Publ, 1905, 860 p.
4. Tihomirov M. Drevnyaya Rus' [Ancient Russia]. Moscow, Nauka Publ, 1975, 427 p.
5. Milyukov P. N. Oчерki po istorii russkoj kul'tury. V 3-h tomah [Essays on the History of Russian Culture. In 3 volumes]. St. Petersburg, Vol. 2, Tipografiya Skorohodova Publ, 1897, 365 p.
6. Ivanov E. O pedagogicheskom sodержanii novgorodskih berestyanyh gramot [On the Pedagogical Content of Novgorod Birchbark Credentials]. Vestnik novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Novgorod State University], 2015, vol. 84, P.155–158.
7. Gurevich F. Gramotnost' gorozhan drevnerusskogo Ponemanya [Literacy of the Townspeople of the Ancient Russian Ponemanya]. Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii [Brief Communications Institute of Archeology], Moscow, Nauka Publ, 1973, vol. 135, P. 28–34.
8. Ovchinnikova B. Pisala-stilusy drevnego Novgoroda X–XV vv. [She Wrote - Stylos of Ancient Novgorod X–XV Centuries]. Novgorodskaya Rus': istoricheskoe prostranstvo i kul'turnoe nasledie [Novgorod Russia. Historical Space and Cultural Heritage], Ekaterinburg, Bank kul'turnoj informacii Publ, 2000, P. 45–105.
9. Kuz'min A. Kreshchenie Rusi [Epiphany of Russia]. Moscow, Algoritm Publ, 2004, 416 p.
10. Gippius A. Kirillo-Mefodievsкая tradiciya na Rusi i berestyanye gramoty [Cyril and Methodius Tradition in Russia and Birch-bark Letters]. Slavyanskij al'manah [Slavic Almanac], 2010, P. 10–31.
11. Kolpacheva O. Shkola i obrazovanie Drevnej Rusi [School and Education of Ancient Rus]. Istoriko-pedagogicheskij zhurnal [Historical and Educational Journal], 2004, vol. 4, P. 85–94.
12. Dolgov V. Uchenie knizhnoe: urovni i formy obrazovaniya v Drevnej Rusi XI – XIII vv. [Teaching Book. Levels and Forms of Education in Ancient Russia XI - XIII Centuries]. Vostochnoevropejskij nauchnyj vestnik [East European Scientific Herald], 2016, vol.4, P. 26–32.
13. Ivanov A. Pedagogicheskie idei v novgorodskom pis'mennom i fol'klornom nasledii X–XVI vekov. [Pedagogical Ideas in Novgorod's Written and Folklore Heritage of the X–XVI Centuries]. Velikij Novgorod, Nov SU Publ, 2012, 168 p.
14. Grishin V. Voprosy istorii obrazovaniya [Questions of the history of education]. Bryansk, Izdatel'stvo BGPU Publ, 1999, 135 p.
15. Zaliznyak A., Yanin V. Novgorodskaya psaltyr' nachala XI veka – drevnejshaya kniga Rusi [Novgorod psalter of the beginning of the XI century – the oldest book of Russia]. Vestnik rossijskoj akademii nauk [Bulletin of the Russian Academy of Sciences], 2001. vol. 71, no. 3, P. 202–209.
16. Yanin V. Oчерki istorii srednevekovogo Novgoroda [Essays on the history of medieval Novgorod]. Moscow, Yazyki slavyanskih kul'tur Publ, 2008. 400 p.
17. Rusanova I. Yazycheskoe svyatilishche na r. Gnilopyat' pod Zhitomirom [The Pagan Sanctuary on Rotten Near Zhytomyr]. Kul'tura drevnej Rusi [Culture of Ancient Russia], Moscow, Nauka Publ, 1966, P. 233–237.
18. Mihajlov K. Yazycheskij nekropol' i cerkov' Bogorodicy Desyatinnaya [Pagan Necropolis and the Church of the Virgin Tithes]. Rossijskaya arheologiya [Russian Archeology], 2004, vol. 1, P. 35–46.
19. Ibn-Fadlan. Zapiski puteshestvennika [Traveler's Notes]. Skazaniya musul'manskih pisatelej o slavyanah i russkikh s poloviny VII do konca X v. [Legends of Muslim Writers about Slavs and Russians From Half of VII Until the end of X Century]. St. Petersburg, Universitetskaya tipografiya Publ, 1870, P. 82–116.
20. Makarij (arhiepiscope Har'kovskij). Istoriya russkoj cerkvi [History of the Russian Church], St. Petersburg, Tipografiya Bokrama Publ, vol. 2, 1868, 324 p.

21. Zhitie Mihaila pervogo mitropolita Kievskogo [Life of Michael the First Metropolitan of Kiev]. Zhitia svyatyh v XII knigah [The Lives of the Saints in XII Books]. Kiev, Izd-vo Kiev-Pecherskoj Lavry Publ, 1855, vol. 11, P. 270–278.
22. Drevnyaya Rus' v svete zarubezhnyh istochnikov: Hrestomatiya. Tom III. Vostochnye istochniki [Ancient Russia in the Light of Foreign Sources: Reader. V.3. Eastern Sources]. Moscow, Russkij Fond Sodejstviya Obrazovaniyu i Nauke Publ, 2009, 264 p.
23. Skazaniya o nachale slavyanskoj pis'mennosti [The legend of the beginning of the Slavic writing]. Moscow, Nauka Publ, 1981, 197 p.
24. Klassen E. Novye materialy dlya drevnejšej istorii slavyan voobshche i slavyano-russov do ryurikovskogo vremeni v osobennosti s legkim ocherkom istorii russov do Rozhdestva Hristova [New Materials for the Ancient History of the Slavs in General and the Slavonic-Rousses up to the Rurik Era, Especially With an Easy Sketch of the History of the Russes Before Christ], vol. 1-3, Moscow, Kniga po trebovaniyu Publ, 1854, 548 p.
25. Istrin V. Dohristianskaya pis'mennost' slavyan [The Pre-Christian Writing of the Slavs]. Vozniknovenie i razvitie pis'ma [The Origin and Development of the Letter]. Moscow, Nauka Publ, 1965, P. 442–466.
26. Belyashevskij N. Sluchajnye nahodki na Knyazhej gore v 1893 g. [Accidental Finds on the Princes of the Mountain in 1893 p.], Kiev, Tipografiya Korchak-Novickogo, 1894, 314 p.
27. Rybakov B. Yazychestvo Drevnej Rusi [Paganism of Ancient Russia]. Moscow, Academy of science SSSR Publ, 1987, 783 p.
28. Propp V. Russkij geroicheskij ehpos [Russian Heroic Epic]. Leningrad, Leningrad University' Publ., 1955, 552 p.
29. Drevnie rossijskie stihotvoreniya, sobrannye Kirshej Danilovym [Ancient Russian Poems Collected by Kirshah Danilov]. Moscow, Nauka Publ, 1977, 735 p.
30. Byliny [Byliny], edited by V.I. Kalugin. Moscow, Nauka Publ, 1989, 560 p.
31. Propp V. Istoricheskie korni volshebnoj skazki [Historical Roots of a Fairy Tale]. Leningrad, Leningrad University' Publ, 1986, 365 p.
32. Medvedev A. Drevnerusskie pisala X–XV vv. [Old Russian Wrote X-XV Centuries]. Sovetskaya arheologiya [Soviet Archeology], 1960, vol. 2, P. 63–88.
33. Dovgan' P. Osoblivosti pivnichno-skhidnoi ploshchadki gorodishcha litopisnogo Buzhs'ka [Features of North-eastern Ground of Site of Ancient Settlement of Annalistic Buzhska]. Visnik in-tu arheologii [Bulletin of the Institute of Archeology], 2009, vol. 4, P. 22–45.
34. Konyavskaya E., Konyavskaya S. Novgorodskie otkrytiya 2000 goda. Redakcionnyj otchet o poezdke v Novgorod 4 – 6 avgusta 2000 g. [Novgorod Discoveries of the Year 2000. Editorial Report on the Trip to Novgorod on August 4 - 6, 2000]. Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki [Ancient Russia. Questions of medieval studies], 2000, vol. 1 (1), P.119–124
35. Titov A.A. Zhitie sv. Leontiya episkopa Rostovskogo. So spiska, sdellanogo O. M. Bodyanskim iz rukopisi XV veka, prinadlezhashchej Kirillovu Novoozerskomu monastyryu [Life of sv. Leonty Bishop of Rostov. From the List Made by OM Bodyansky from the Manuscript of the XV Century, Belonging to Kirillov Novoozersk Monastery], Yaroslavl', Tipografiya Y. Stroeva, 1892, 121 p.
36. L'vov A. Eshche raz o drevnejšej russkoj nadpisi iz Gnezdova [Once Again About the Oldest Russian Inscription from Gnezdov]. Izvestiya AN SSSR. Otdelenie literatury i yazyka [News of the Academy of Sciences of the USSR. Department of Literature and Language], vol. 30, no. 1. Moscow, Nauka Publ, 1971, P. 47–52.
37. Dubov I. Novye istochniki po istorii Drevnej Rusi [New Sources on the History of Ancient Rus]. Leningrad, LSU Publ., 1990, 176 p.
38. Voronin N.N. Zhitie Leontiya Rostovskogo i vizantijsko-russkie otnosheniya vtoroj poloviny XII v. [The Life of Leonty Rostovsky and the Byzantine-Russian Relations of the Second Half of the XII Century]. Vizantijskij vremennik [Byzantine Temporary], 1964, vol. 23, P. 23–44.
39. Kiev-Pecherskij paterik [Kiev-Pechersk Paterik]. Kiïv, CHas Publ, 1991, 230 p.
40. Leont'ev A. Arheologicheskie dannye k istorii Rostovskoj eparhii [Archaeological Data on the History of the Rostov Diocese]. Goroda i vesi srednevekovoj Rusi: arheologiya, istoriya, kul'tura [Cities and Villages of Medieval Russia: Archeology, History, Culture]. Moskva-Vologda, Drevnosti Severa Publ, 2015, P. 45–52.